

АХ, ОДЕССА

Олег СОЛЯЦАНСКИЙ
Одесские зарисовки285

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" – пятый угол290

Феликс КОХРИХТ
Так да – "Фонтан"! Так да – шприцует! ...294

Олег СОЛЯЦАНСКИЙ

Одесские зарисовки

Абитуриенты

Море поразило их, не видевших его до сих пор, своим раздольем, свежей теплотой и удивительно приятной, ласковой соленой и зеленоватой водой.

— Вот это да! — сказал тот, что похудощавей. Один из них, приобщившихся только что к материализованному раю. Они стояли мокрые после купания на бугристой бетонно-причальной плоскости в новых, классных плавках, хоть и самопальных, чайка на красно-зеленом фоне у одного, якорь на сине-желтом у другого. Третий же был в старых, своих. Чайка на купленных им плавках оказалась прямо на причинном месте, выглядело все это крайне неприлично, и их пришлось оставить в экипаже. Он также разделял восторг к морю с высказавшимся вслух. Еще его удивлял этот город, зеленый, открытый и своеобразный, с волшебно-прекрасным Центром, развернутым к морю, и живым, говорливым народом, относившимся почему-то с особым пристрастием к толчку, где они вчера купили плавки. Шумному, переполненному и деловому.

К местным своеобразиям он относил и виденное им в трамвае вскоре после приезда, когда стоявший рядом парень достал из кулька какое-то красное, явно насекомое с усами и лапками, и отправил его в рот, начал пережевывать, смущаясь от его пораженного всем этим взгляда. Понимавшего всю бестактность своего поведения, но не смогшего этого скрыть. Это сейчас-то он знает, что в кульке были не насекомые, а безобидные креветки, которых у него в Сибири не увидишь ни за что, а тогда...

— А что если не поступишь, что будешь делать? — спросил он у худощавого.

Все они, трое, поступали в эти дни в ОВИМУ, и вопрос этот их волновал чрезвычайно.

— Не знаю! — худощавый пожал плечами. — Может, в Мурманск поеду. А! — легкомысленно отмахнулся он. — Там видно будет. Вот у меня, ребята, невеста в Полтаве, вот это поважней, и она меня ждет.

— Ви говорите у вас невеста, и она вас ждет? — обернувшись, они обнаружили какого-то низкорослого и лысоватого в семейных трусах и торчащим над ним солидным, круглым, как глобус, животом. — Так пускай

она поцелует вас в задницу! — лысый был явно гружен под завязку и не трезв. — Вот у меня сын, ему 27 лет, — сказал он с трагическим надрывом. — Я его спрашиваю: "Сыночек! Ну почему ты не женишься?" — последнюю фразу лысый произнес прочувствованно, со слезой в голосе протирая руки к воображаемому сыну. — Папа! — рявкнул он так, что обернулись проходившие мимо. — Я ищу девственницу! — они удивленно глядели на говорившего. — Вот вас как зовут? — спросил он без перехода у художавого. — Так, Олег. А вас? Валентин. А вас? Еще Олег. А я Жора! Я в цирке на тромбоне играю. Вы так умеете? — согнув руку в локте, он подвигал мышцей. — Раз, два, три! Нет? А я умею.

Послушав еще какое-то время разглагольствования озабоченного поисками сына отца и тромбониста, они отправились в воду. Море искренне восхищало их. А "классные" плавки оказались линючими, им, оказывается, противопоказана была пресная душевая вода. Да и поступить в том году им, увы, не удалось.

Гоп-стоп

А поначалу все складывалось так удачно. Была свадьба и сдвинутые столы, и жених с невестой, покорно целующиеся на каждое "горько", и более похожие на статистов, чем на главных действующих лиц, в этом шумном и странном спектакле. И заводное "семь сорок", исполняемое слегка фальшивящим оркестриком, и огромные, прыгающие бедра, взлетающие ноги, и раскрасневшиеся лица. И все это среди столов, шифоньеров, кресел, стульев, вешалок и чьих-то полът в квартире, абсолютно не приспособленных для таких массовых акций. И горлатое "Ой мороз, мороз!", и снова "горько", все более хмельное и накаленное. И это все их познакомило, сплело, сдвинуло, толкнув в нечто увлекательно-непредсказуемое. А то, что их звали так же, как жениха и невесту, придало этому какой-то особый, многозначительный оттенок. И он увел ее лихо, легко и весело фонтанируя остроумием и выдумкой, и любуясь ее очень эффектным лицом, она и правда была настоящая красавица, и в ней тоже что-то происходило. И до полного сближения им не хватало чуть-чуть — какого-то шага с его стороны, а главное, подходящей обстановки, и бархатная, черноморская ночь была им сводней. Но в последующие дни что-то, где-то открылось, и понеслись ветра холодные и неуютные, таща с собою серые, плаксивые тучи. И встречи их как-то сразу потускнели, становясь все бледнее и скучнее. И ему повести бы ее, красавицу, куда-то в уютное,

удивляя и радуя, но с курсантскими тощими его возможностями это было из области абсурда. И он чувствовал, что рейтинг его в ее глазах, говоря нынешним языком, упорно катится под гору, и дабы хотя бы как-то поддержать его, приходил на встречи с ней только по гражданке: свитер, брюки и классное его эффектно-серое демисезонное пальто. Вид его был что-то нечто, и на него он надеялся. Они гуляли по промозглым, зябким улицам, и какая уж любовь в такую-то погоду? И замерзнув, пошли по направлению к ее дому, быть ему возле него до тех пор не приходилось, и ему любопытно посмотреть было, где она живет.

— Ну и что, мы так и будем ходить по сырости? Мне это не нравится, — она надула свои красивые губки.

Ему это тоже не нравилось, но что-либо предложить он не мог. Когда пронзительный свист в удалении повис над ним и ею, и одноэтажным ее домом в этом глухом уголке Молдаванки, куда на сей раз его занесло. И он оглянулся на площадь сзади себя, окруженную одноэтажными, как и у нее, дворами, с тремя сходящимися к ней улочками и столбом посередине, на котором вверху болталась электролампочка, разреживая освещенным кругом на земле сумрак наступившей ночи. И безлунное, мрачное небо низко нависло над ними. Ответный свист с другого конца резанул по ушам. Он внутренне поежился.

— Ой! — испугано сказала она. — У нас такой страшный район! Позавчера вот здесь одного убили, — и она показала на освещенный круг вокруг столба.

Ему захотелось тут же уйти, все равно пора уже было расставаться, да и свист ему очень не нравился. Живя в Одессе, он никогда не сталкивался с этой стороной жизни, и мир этот был далек от него, и он с его хроническим безденежьем был неинтересен этому миру. Лишь только раз он столкнулся с чем-то подобным, услышав разглагольствования какого-то юного в разговоре с кем-то:

— А шо! Мне перо достать, что плюнуть. Мой дедушка налетчик, и я налетчиком буду!

И все это отдавало детством. А тут из одного проулка на той стороне площади вышли двое, а из другого еще один, и все это было далеко не детство.

— Иди! — сказал он ей сухо. — Уходи! До свиданья!

— Нет, — она не уходила. — Я боюсь за тебя!

— Да уходи ты! — еще была возможность как-то уйти с этой площади. Она, вцепившись в него, застыла у него за спиной.

Трое на той стороне площади, разговаривая между собой, поглядывали и в его сторону. Поговорив, не спеша направились в его сторону.

— Ну все, приехали! — подумал он.

Он рассматривал их, идущих по направлению к нему, не юных, как тот "будущий налетчик", каждому где-то за тридцать. Один из них, подойдя к нему, пощупал пальто, не обращая внимания на него и на нее, дрожащую за его спиной. Расстегнув, как на манекене, пальто, осмотрел подкладку и лейбу на внутреннем кармане. Удовлетворившись осмотром, мотнул головой этим двум, мол "Пошли!". И они ушли, а он остался. Выходит, пальто, которое ему так нравится и которым он так дорожил, им не понравилось. Его душила странная обида. Его любимое красивое пальто, и им побрезговали, не оценили, пренебрегли.

— Вот же сволочи! — сказал он огорченно ей, недоуменно глядящей на него. И попрощавшись, зашагал в темноту, расстроенный и злой.

Больше на площади со столбом посередине и электролампочкой, болтающейся на ветру, ему побывать не удалось. Да и с ней, поссорившись, они вскоре расстались.

Ханыга

Они только что вляпались в казус, нелепый и смешной, когда после долгих хождений по местному рыночку с выложенными по прилавкам натюрмортами всякой живности и растительности, он терпеливо стоял в очереди за ярко-зелеными в пупырышках огурцами, а она, подбежав к нему на секунду, вся в своих мыслях, деловито и довольно громко сказала:

— Вот что! Будешь брать огурцы, не забудь рукой прикрыть яйца!

И вся очередь, как по команде, удивленно посмотрела на них, конечно, не зная, что яйца, о которых идет речь, лежат в закрытой хозяйственной сумке в его руках, и ничего предосудительного в ее предложении нет.

— Ну ты даешь! — хохотал он, когда они вышли уже из рыночка. — Ты хотя бы поняла, что ты сказала?

— Сказала и сказала! — смеялась и она. — Я же без всякого!

— Чудо ты мое! — завершил он полемику.

Казус их не огорчил, а только насмешил. Они были молоды, и все им было в радость. И Черноморка, где они отдыхали, и комнатка на отшибе двора, напоминающего людской муравейник в миниатюре, и край этого двора на высоком берегу над обрывом, с которого открывался вид на без-

граничное и безмятежно голубое в легкой дымке море. И плотное лежбище людей на горячем, как угог, пляже, и бархатные ночи, и их общение среди всего этого. И веселые, оживленные, они остановились, решая, куда пойти дальше, неподалеку от крашеной перекисью блондинки, торговавшей яблоками. Статной, грудастой, в белом халате, видимо одесситка, за словом, конечно, в карман не лезащей. "А шо делать? Жить-то надо!" И, пожалуй, типичной для этой профессии — советская продавщица, торговля с весов овощами и фруктами в любую погоду, грязь, жара, холод. С контролерами, проверяющими, с малой зарплатой и огромным желанием что-либо заработать несмотря ни на что. И выковывающей свое красноречие с въедливыми тетками, что любого и каждого с радостью доведут до могилы, и занудливыми покупателями, приносящими ей свое раздражение от неустроенной и серой жизни. Она стояла с сигаретой в углу рта возле своих весов и яблок солидно и обстоятельно, выделяясь в толпе, как фигура на носу судна, и с философским видом рассматривая мир вокруг себя. И на живом лице ее отражалось понимание прозаичности происходящего. Так же по-философски невозмутимо она наблюдала за подошедшим к яблокам мужчиной, небольшого росточка и изящного. И своим видом — ослепительно-белая с запонками и галстуком рубашка, идеально наглаженные брюки и начищенные, без единой пылинки, полуботинки, — резко контрастировавшим с шорто-полураздетой окружающей публикой. Он долго рассматривал яблоки в ящиках, брезгливо касаясь ухоженной ручкой их зеленых бочков.

— А яблочки-то ваши не очень! — наконец-то оторвался он от и правда непрезентабельных яблок.

— Не нравится? Гуд бай! — весомо отрезала блондинка, перекинув сигарету из одного угла рта в другой. Причем слово "гуд" она произнесла не с жидко-тонким российским "г", а с украинским "гэ", жирным и весомым.

— Ну вы могли бы и повежливей! — оскорбился оппонент блондинки.

— Иди, иди! Ханыга!

И сказано это было без зла, даже как-то добродушно, так, по привычке, для порядка. "А шо такое?" И моргнув им двоим, улыбнувшись, веселым и радостным, мол, все о'кей, все в порядке.

Они так и прыснули со смеху. Уж слишком не вязалась удаляющаяся дистиллированно-интеллигентная личность с этим корявым словом "ханыга".